

Кроме того, толкование вышеназванной диспозиции ст. 369 УК позволяет утверждать, что потерпевшими при ее нарушении выступают представитель власти или его близкие. Применительно к представителям власти в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК выделяется категория должностных лиц, к которой относятся: депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе.

В то же время диспозицией ч. 2 ст. 24.4 КоАП предусматривается административная ответственность за оскорбление должностного лица государственного органа (организации) при исполнении им служебных полномочий лицом, не подчиненным ему по службе, совершенное в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи.

Как видится, указанный в ней потерпевший (должностное лицо государственного органа (организации)) выступает частным примером потерпевшего по ст. 369 УК (представитель власти). Подобная норма неминуемо порождает правовую коллизию, которая приведет к невозможности применения ст. 369 УК при оскорблении перечисленными одноименными способами должностного лица государственного органа (организации).

С целью устранения названной коллизии представляется целесообразным исключить ч. 2 из ст. 24.4 КоАП, тем самым оставив диспозицию ст. 24.4 КоАП в том же виде, в котором она действовала в прежнем КоАП 2003 г. (ст. 23.5 «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий»). Подобное решение позволит сохранить баланс между административно-правовыми и уголовно-правовыми мерами, разграничить деяния по степени их общественной вредности и общественной опасности, а также исключить ситуации нарушения принципа справедливости, когда не будет соблюдаться правило применения менее строгих форм ответственности при коллизии.

Как видится, указанные проблемы, порождающие противоречие между уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами, направленными на противодействие оскорблению, являются следствием несинхронного, разбалансированного и не всегда системного подхода при подготовке изменений в соответствующие нормативные правовые акты, регулирующие в определенных случаях одинаковые сферы общественных отношений.

Таким образом, рассмотрение новелл в области противодействия оскорблению позволяет сделать следующие выводы. Общая характеристика новелл в указанной сфере отличается, с одной стороны, либерализацией законодательства в отношении оскорбления как общего состава (декриминализация ст. 189 УК «Оскорбление»), с другой стороны – ужесточением ответственности за оскорбление специального потерпевшего (представителя власти) путем дополнения санкции наказанием в виде лишения свободы на срок до трех лет. Принятые изменения не явились выверенными с точки зрения правовых конструкций и породили коллизию в праве, одним из путей разрешения которой представляется необходимость исключения ч. 2 из ст. 24.4 КоАП.

УДК 343.9

Т.И. Егорова

ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Преступления сотрудников уголовно-исполнительной системы посягают на общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности личности, общества и государства при исполнении уголовного наказания. Их опасность заключается в том, что от действий рассматриваемых должностных лиц существенно зависят реализация прав и законных интересов осужденных, эффективность наказания и авторитет государственной власти.

По смыслу примечания к ст. 318 УК РФ сотрудник уголовно-исполнительной системы является представителем власти (правоохранительных органов) и наделен в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. При этом законодатель не дает разъяснений относительно содержания распорядительных полномочий. Вместе с тем ч. 3 ст. 11 УИК РФ обязывает осужденных выполнять законные требования администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, тогда как в реальной действительности осужденные не в полной мере могут оценить законность распоряжений сотрудников. С учетом специфики правовой регламентации порядка исполнения наказания часть полномочий представителей власти регламентирована ведомственными нормативными правовыми актами, имеющими гриф ограниченного доступа.

Сложности правовой оценки должностных преступлений в учреждениях и органах, исполняющих наказания, связаны также с особенностями функционирования исправительных учреждений. К ним относятся изолированность территории учреждения, особый порядок посещения осужденных, система субординации должностных лиц.

Возможность применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и оружия значительным образом обостряет ситуацию, связанную с обеспечением законности при исполнении наказания в виде лишения свободы. В связи с этим отдельную группу преступлений составляет превышение должностных полномочий с применением к осужденным насилия. В 2020 г. возбуждено шесть уголовных дел по фактам необоснованного применения физической силы, специальных средств и оружия. По данным исследователя М.Ю. Конарева, 28–50 % опрошенных осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, считают, что сотрудники исправительного учреждения превышают пределы применения мер безопасности. Очевидно, что подобные случаи обладают высокой степенью латентности.

Так, широкий общественный резонанс вызвало опубликование в социальной сети YouTube видеозаписи под названием «Пытки в Красноярске. Заместитель начальника ГУФСИН и его подчиненные пытаются осужденных (служебное видео)». Достаточно хорошее качество изображения и звука позволяют на протяжении 13 мин 59 с наблюдать применение к осужденным пыток, насилия, иного рода жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение со стороны персонала пенитенциарной службы.

Приговором Богучанского районного суда Красноярского края от 22 апреля 2019 г. по делу № 1-36/2019 виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, признан Ш.Н.В. Судом установлено, что он, являясь заместителем начальника управления безопасности ГУФСИН по Красноярскому краю, в период с 10 по 19 ноября 2013 г. находился в служебной командировке в федеральном казенном учреждении «Объединение исправительных учреждений № 26 с особыми условиями хозяйственной деятельности Главного управления Федеральной службы исполнения наказания по Краснодарскому краю» для проведения проверки организации режима и надзора. В ходе проверки ему стало известно, что шестеро осужденных, содержащихся в едином помещении камерного типа, нарушают режим содержания – отказываются делать физическую зарядку. В связи с внезапно возникшим неприязненным отношением к указанным осужденным Ш.Н.В. поочередно завел их в душевую комнату, где, используя нецензурную лексику, угрожал применить насилие в отношении их, нанес каждому не менее двух ударов рукой в область грудной клетки и других частей тела, схватил каждого из них своей рукой в области шеи, прижал к стене и удерживал на протяжении нескольких секунд, применил иное жестокое обращение, причинившее физическую боль.

Однако, как показывает правоприменительная практика, в основном преступления сотрудников уголовно-исполнительной системы носят коррупционный характер и связаны: с представлением осужденных к условно-досрочному освобождению или переводом в исправительное учреждение с более мягким режимом отбывания наказания; возможностью перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое того же вида, но более приближенное к месту жительства осужденного; предоставлением осужденным необоснованных льгот при отбывании наказания, не препятствованием проносу на территорию исправительного учреждения запрещенных предметов; закупкой технических средств и оборудования для организации охраны и надзора, продуктов питания.

Характерным признаком большинства должностных преступлений является ложное понимание виновным интересов службы в правоохранительных органах. Наличие у сотрудников уголовно-исполнительной системы властных полномочий, подкрепленных возможностью применения физической силы, специальных средств и оружия, способствует в некоторых случаях проявлению деформированного самовосприятия.

Из-за профессиональной деформации профессиональные возможности и личность сотрудника изменяются в асоциальную сторону. Изменения сопровождаются внутриличностным психодинамическим конфликтом личности, о чем свидетельствуют многие научные исследования.

Таким образом, следует отметить существенные особенности преступлений, совершенных сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Они связаны в первую очередь с наличием у них властных полномочий в отношении осужденных, отбывающих наказание в условиях изолированной территории. Выявление посягательств рассматриваемой категории усложняется особенностями нормативно-правового регулирования процесса исполнения наказания, а также осуществления организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельности. Их совершению способствует и наличие у виновных признаков деформированности профессионального сознания.

УДК 343.23

О.В. Ермакова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА КАК СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ)

Предупреждение преступлений осуществляется специализированными органами при помощи не только комплекса разнообразных мер, но и уголовно-правовых средств. В частности, неотвратимость уголовной ответственности, напрямую влияющая на предупреждение преступлений, обеспечивается путем применения уголовного законодательства. Таким образом, чем эффективнее действие уголовно-правового запрета, тем выше предупредительное воздействие уголовного закона на преступность.

Эффективная реализация уголовного законодательства напрямую зависит от качественного построения конструкций составов преступлений. В частности, особое внимание при создании закона необходимо уделять отбору обязательных признаков состава преступления, без которых невозможно будет применить меры уголовной ответственности. Кроме того, законодателю следует отразить выбранные признаки в законе таким образом, чтобы не возникало проблем толкования элементов состава преступления.

Анализ гл. 25 УК РФ показывает, что большая часть конструкций составов преступлений, в нее входящих, не отличается четкостью изложения их признаков, что создает проблемы в правоприменительной деятельности.

Так, анализ состава преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, позволил выявить ряд недочетов изложенного предписания закона.

Во-первых, недостаточно ясно описано деяние в указанном составе преступления с использованием термина «склонение», что объясняется следующими обстоятельствами: помимо указанного понятия в уголовном законе используются также